

**ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА**

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Демон искушения
Встретимся в другой жизни	Грешница в шампанском
Я – его алиби	Принцип Отелло
Девушка с секретом	Исполнительница темных желаний
Блудница поневоле	Жизнь нежна
Неплохо для покойника!	Мода на чужих мужей
Стервами не рождаются!	Пока смерть не разлучит нас
Дожить до утра	Завтра не наступит никогда
Крестный папа	Пять минут между жизнью и смертью
Ничто не вечно под луной	Любовь окрыляет
Миллион причин умереть	Единственная моя
Рыжая-бесстыжая	С первого взгляда
Охотники до чужих денежек	Второй подарок судьбы
Мужей много не бывает	Зеленые глаза викинга
Ты у него одна	Тайна, приносящая смерть
Любитель сладких девочек	Цвет мести – алый
Игры в личную жизнь	Не доставайся никому!
Черт из тихого омута	Чужая жена – потемки!
Обмани меня красиво	Возвращаться – плохая примета
Старая тайна, новый негодяй	Врачебная тайна
Миллионерша поневоле	Призрак другой женщины
Внимание: неверный муж!	Тайну хранит звезда
В любви брода нет	Семь лепестков зла
Последняя ночь с принцем	Свидание на небесах
Осколки ледяной души	Ведьма отмщения
Счастье по собственному желанию	Программа защиты любовниц
Любвеобильный джемпот	Кинжал в постели
Длинная тень греха	Гнев влюбленной женщины
Личное дело соблазнительницы	Лучший день в году
Большие проблемы маленькой блондинки	Огненный шар
Красотка печального образа	Незнакомка с тысячью лиц
Ночь с роскошной изменницей	Последнее прибежище негодяя
Окно в Париж для двоих	Счастье с третьей попытки
Лицензия на harry end	Подвенечный саван
Черная корона	Заключение счастья
Рыцарь чужой мечты	Торговка счастьем

**ГАЛИНА
РОМАНОВА**

*Подвечный
саван*

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Подвенечный саван : [роман] / Галина Романова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-мелодрама. Книжки Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-86337-2

Отец, получивший десять лет назад пожизненный срок, бежал. Володю это потрясло. Дома повисло гнетущее молчание после истерики матери и сестры. Единственной радостью была Маша. А через несколько дней пришло известие, что отец убит при задержании. Постепенно жизнь входила в привычное русло. Володя снова стал улыбаться, снова беззаботно любить Машу. Но однажды он получил записку. «Сделай ей предложение» — было написано рукой отца. Что за бред? Его кто-то разыгрывает? Тот, кто хорошо знал отца, его почерк? Зачем? Как бы то ни было, Володя сделал Маше предложение. Не потому, что так велел мертвец, а потому, что любил ее, был по-настоящему с ней счастлив. Хотя толком они не успели узнать друг друга. И Володя ей еще не признался, чей он сын... Но ему и в голову не могло прийти, что Маша знает, из какой он семьи. А вскоре Володя получил новое послание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016
ISBN 978-5-699-86337-2

ГЛАВА 1

Город заливало солнечным светом — ярким, оранжевым. В нем тонули улицы, люди, автобусы, скверы. Сорванные легким ветром последние листья медленно плыли по воздуху. А звуки, проникающие сквозь его окно, казались вязкими, маслянистыми. Их даже можно было пощупать — шелковистый девичий смех, острый и колючий, как клубок шерсти, собачий лай, шуршащий бумажный шелест метлы по брусчатке.

Ничего, с неожиданным раздражением подумал он, поворачиваясь к яркому воскресному городу спиной, уже завтра похолодает. Уже завтра все станет серым и невзрачным. Тогда не до смеха будет.

Не до смеха теперь было ему — здоровому, симпатичному мужику тридцати пяти лет, оставшемуся без работы и не знающему, куда применить свои силы, знания, ум. И что обиднее всего, без работы он остался по собственному желанию. Не по семейным обстоятельствам, не в связи с переменой места жительства, не потому, что не сработался и оказался не понят. Нет! Просто по собственному желанию!

— Ты идиот, Лавров, — подвела черту неделю назад под его объяснением соседка Маша Астахова. — Ты же ничего не умеешь больше! Ничего!

— Почему? — удивился он и даже обиделся.

— А что ты умеешь, Саша? Ремонт делать? Нет! С паяльником сидеть? Нет! Компьютерные программы придумывать? Снова нет! Ты же ничего не умеешь! А знаешь почему?

— Почему?

Он продолжил на нее обижаться, хотя в глубине души понимал, что она права. Ничего из перечисленного он не умел. И даже никогда не пробовал ни с ремонтом возиться, ни с паяльником.

— Потому что ты, Саша, — мент! Мент с большой буквы! Ты таким родился, Саша. И когда родился, вся природа замерла!

И Машка заржала своим странным блеющим смехом, как овечка, накручивая кончик своей косы себе на кулачок.

— Может, и мент. И что? — забубнил Лавров. — Я многим людям помог.

— И продолжал бы помогать дальше, Лавров! Чего уволился-то?

— Не знаю. Наваяло, — пожал он тогда — неделю назад — широченными плечами. — Взял и уволился. Достало все.

— Я же говорю, идиот, — удовлетворенно улыбнулась она, покивав прехорошенькой головкой. — Теперь-то куда, Саша?..

А вот теперь куда, он и не знал. Он ничего не умел! Ничего! Умел ловить бандитов, распутывать сложные преступные комбинации, умел в ворохе ненужной информации выбрать то, что необходи-

мо. И все! Никакими прикладными искусстваами не владел. Как плотник или столяр был бесполезен. И вообще все, хватит! Завтра вот похолодает, снег пойдет, тогда узнают они все...

Три глухих удара в дверь — так ломилась только Машка — его вдруг обрадовали.

— Чего тебе? — с наигранной ворчливостью встретил он ее на пороге. — Соль или спички закончились? Сколько раз говорил: купи зажигалку.

Машка стояла на его пороге, как Афродита, только что вынырнувшая из морской пучины. С длинными — до попы — распущенными волосищами, заспанной мордахой и почти в чем мать родила. Малюсенькие какие-то трусишки, именуемые ею спортивными шортами. Рубашонка до пупка такая тонюсенькая, прозрачная, что на ней словно и не было ничего.

— Маш, ты когда одежду уже начнешь носить? — произнес Лавров со вздохом, чуть отступая в сторону, чтобы пропустить соседку.

— Я в одежде, — буркнула она недовольно и, виляя едва прикрытой попкой, сразу пошла в кухню.

— Я мужик все же, Машка. Не стыдно тебе так вот передо мной появляться? — ворчал Лавров, следуя за ней по пятам.

— Ты, Саша, не мужик, — изрекла она со смешком, сразу принявшись открывать крышки кастрюлек, стоящих на плите.

— А кто же, простите? — Он снова подумал, что готов обидеться.

— Ты, Саша, мент. И мой сосед уже сто лет. А это почти что брат. И поэтому я не могу тебя стесняться. Ты же вот тоже передо мной стоишь в трусах — и ничего.

Упрек был принят. Лавров сходил в комнату, натянул широченные джинсовые шорты, в которые двое таких, как он, влезли бы запросто, вернулся в кухню. Машка уже наложила себе каши, которую он приготовил на завтрак себе, между прочим. Села на его любимое место в уголочке, из-за чего он постоянно злился. И теперь облизывала ложку, которой накладывала кашу, и смотрела на него как-то странно.

— Чего? — Он сел напротив, на самое свое нелюбимое место — спиной к двери, он не терпел так сидеть за столом. — Ну! Говори!

— Только не ори, ладно? — Машка опустила синие глазищи вниз, уставилась на тарелку каши.

— Только не это, Маш!

Он не заорал, он взвизгнул так, что она поморщилась. Она что — эта дурища с косицей, снова собралась замуж?! В третий раз?! В неполные тридцать лет снова замуж?! В третий раз?!

— Не ори, — буркнула она.

И тут же забила себе рот тремя ложками каши, щеки раздулись, она начала медленно жевать. Это, надо полагать, для того, чтобы не отвечать на его немой вопрос.

Значит, правда!

— Маша, Маша, опомнись! Тебе еще и тридцатника нет, Маша! — принялся тут же Лавров ее утешать, поняв по ее забитому кашей молчанию, что да — она собралась в очередной раз замуж. И ничего уже с этим поделать нельзя. — Чего ты так летишь-то туда?

— Пока берут, — пробубнила она сквозь кашу, пожав плечами.

— Кто берет-то?! Кто?! Урод на уроде! И где ты их только откапываешь?!

Она со вздохом подняла на него голубые глаза, покачала головой. Что означало: ты не поверишь! И Лавров понял — на работе. Она снова познакомилась с очередным своим претендентом на ее изящную ручку и беспечное сердце на работе.

— Дура! — проворчал Лавров.

Вылез из-за стола, налил себе кофе из большого медного кофейника, доставшегося ему в наследство от двоюродной бабки, прожившей почти всю свою жизнь в Турции.

Раритетную посудину он обожал. Кофе в нем получался отменным. Долго не остывал и аромат хранил часами. Чашку налил большущую, чайную, всыпал туда две ложки сахара. Размешал, шумно хлебнул. Зажмурился. Вкусно, крепко, горячо.

— Мне налей, — скомандовала Машка, кашу она доедала.

Лавров послушно налил ей в точно такую же чашку, всыпал две ложки сахара, размешал. Машка, как и он, любила крепко, сладко, горячо.

— На, — с грохотом поставил перед ней чашку. — И рассказывай. Кто на этот раз? Что за принц? С долгами по кредиту? Или с невыплаченной ипотекой?

— Ну че ты опять? Саш, ну че ты? Разве в меня нормальный мужик не может, что ли, влюбиться? — Машка надула губы, спрятав обиженную мордаху за чашкой.

— Может, — согласился Лавров, подходя к окну и с возросшим раздражением рассматривая плавающий в оранжевом свете город — красивый, нарядный и беспечный. — Только он не успевает!

— Чего-чего? — Она наморщила лоб.

— Не успеваешь нормальный мужик пробиться к тебе сквозь строй мерзавцев! Ты ведь едва развод оформишь, и тут как тут — очередная тварь! Когда нормальному мужику тебя рассмотреть-то?! В очереди отстоять? — И закончил с печальным вздохом: — Говорю же, дура!

Завтрак закончился в полном молчании. Лавров, выпив кофе, наложил себе все же каши. Машка дождалась, пока он доест, собрала посуду со стола, все перемыла. Снова села в уголок. Уставилась на него ручным зверьком.

Он сразу понял, в чем дело.

— Даже и не думай, Маша, — и Лавров, смастерив гигантский кукиш, помотал им у нее перед носом.

— Почему? — Ее губы набухли, ресницы затрепетали — Машка готовилась зареветь.

— Потому что теперь у меня нет работы! Потому что у меня теперь нет удостоверения! И...

— Но связи-то остались, Саша, — затянула она плаксивым противным голосом, который он терпеть не мог. — Ты же можешь узнать в паспортном столе, кто он и что он. И вообще... Узнать по своим каналам, что это за человек? Откуда он вообще?

— О господи!

Если бы были у Лаврова волосы, он бы теперь принялся их дергать. Но череп его был гладко выбрит, поэтому все, что ему оставалось, это хлопать ладонями себе по голове.

Если Машка пытается что-то узнать о своем избраннике, значит, в чем-то не уверена. Значит, вообще ни черта о нем не знает. И сомневается в его легенде. И это, между прочим, впервые! Первые два

замужества такой проверки не подвергались. Вернее, проверка была, но уже задним числом. Когда первый хмырь на нее пытался свой кредит переоформить. А второй...

Лавров чуть не удавил урода, узнав, что он Машку ударил головой о стену, уговаривая подделать банковские документы, чтобы избавиться себя от необходимости платить по ипотеке.

Теперь-то что?! Вернее, кто?! Почему она так озабочена? Впервые озабочена!

— И кто на сей раз, Маша?

— Коллега, — призналась она со вздохом.

— О! Уже неплохо. — Лавров чуть расслабился. — Коллега чем занимается?

— Он в кредитном отделе менеджер. — Ее локоток встал на стол, мордаха опустилась на кулачок, румяная щечка сморщилась. — Хороший парень. Двадцать девять лет, как и мне. Местный. Зовут Володя...

— А фамилия у твоего Володи имеется?

— Имеется, — с неуверенным вздохом произнесла Маша. И тут же неожиданно предупредила: — Только она тебе не понравится.

— Говори!

— Филиченков...

Оранжевый свет воскресного утра мгновенно раскалился за окном. Он плеснул огненными брызгами через стекло в лицо Лаврову. Он опалил брови, он выжег ему глаза, высушил горло. Саша перестал дышать на какое-то время.

— Как-как его фамилия? — переспросил он в надежде, что ослышался, что эта глупая деваха решила его разыграть, помотать нервы воскресным оранжевым утром. — Филиченков?!

— Да, — тихо, почти шепотом подтвердила Машка. И глянула на него с несмелым вызовом. — И чё такого-то, Саш? Подумаешь! Это однофамилец! Скорее всего, однофамилец!

— Да-да, конечно.

Он подергал плечами, медленно полез из-за стола, встал одним боком к окну, вторым к двери, вытянул руку в сторону выхода, как регулировщик, и проговорил:

— Если ты решила, а ты решила... Тебе здесь больше делать нечего. Уходи.

— Как уходить, Саш?

Он промолчал, продолжая регулировать движение в своей кухне. Машка прошлепала босыми ступнями мимо него к кухонной двери с опущенной головой, поникшей спиной. Шмыгнула носом, поравнявшись. И еще раз спросила:

— Как уходить, Саш?

— Навсегда уходи, Маш. Навсегда...

Он не смотрел на нее, не потому, что не хотел, а потому, что не увидел бы. Он видел сейчас кое-что другое.

Утро было тогда...

Да обычным было то утро. Ранним, правда, очень ранним и туманным сильно. Было зябко, сыро. Туман пропитал одежду, лип к лицу, елозил за воротником. Хотелось сжаться в комок в каком-нибудь теплом углу, а не идти, крадучись, к заброшенным ангарам. Они были уверены, что там никого нет. Были уверены, что анонимный звонок — это лажа. Поехали проверить. Просто проверить. Конец дежурства, поехали? А поехали, все время быстрее пройдет. Они расслабились с Виталькой Сухаревым — другом и напарником.

Конец дежурства, в сон клонило, тут еще туман, прохладно. Поэтому и попали в переплет, в перестрелку. Виталика прошло очередью сразу. Он странно дернулся, глянул в его сторону затахующими глазами и упал лицом вниз. А он...

Он потом орал и стрелял. Орал, матерился что есть мочи и стрелял. Куда-то в пустоту, в темноту, откуда в него тоже стреляли. Соображал плохо. Казалось, что его окружила целая банда. Что палят отовсюду. Пули со свистом летели над головой, щелкали о стены, выбивая фонтаны штукатурки. Все ревело и грохотало вокруг. А когда предутренние сумерки отступили, когда туман съежился и растворился в лучах вывалившегося из-за бугра солнца, оказалось, что он давно не один. Прибыло подкрепление. Кто-то вызвал, услышав стрельбу со стороны заброшенных ангаров. Может, все тот же аноним, сообщивший, что в ангарах нынче под утро должна пройти серьезная сделка торговцев оружием? Может, и он. Но подкрепление прибыло вовремя, у него совсем не осталось патронов. Хоть камнями начинай кидаться. Хорошо, что «левый» ствол был при нем и два магазина запасных, и Виталик обоймами запасся, а так бы...

Бандитов забрали почти всех. Кого-то подстрелили. Руководил сделкой некто Филиченков Игнат Владимирович. Он же и убил Виталика. И подельники показали на него. И сам он потом сознался. По совокупности преступлений дали ему пожизненное. У него будто бы осталась семья. Лавров не вникал. Он страдал от потери друга очень долго. Еще дольше ругал себя, что не проконтролировал, что позволил расслабиться себе и Виталику.

У Витальки осталось двое детей — близнецы Генка и Сережка, и бывшая жена — непутевая Маринка, блудная и неработающая. Виталик бросил ее, но не бросил детей. Помогал им, возился с ними. И вдруг пацаны остались совсем одни. Отца не стало, матери, по сути, и не было.

Ох как страдал в те дни Лавров. Ох как было ему больно! Ох как он клялся тогда, что если вдруг когда-нибудь судьба сведет его с кем-нибудь из Филиченковых, то он...

А что, собственно, он?! Он вот стоит и смотрит в несчастную Машкину спину с заострившимися лопатками. И позволяет ей уйти и самой разбираться с этим Володей Филиченковым! А она разберется точно! Она так разберется, что мама не горюй!

Одного друга потерял из-за этой фамилии, теперь что, и ее еще потерять?

— Стоять! — скомандовал ей Лавров, скрипнув зубами.

Машка послушно остановилась на выходе.

— Вернулась и села!

Маша вернулась и замерла в уголочке на стульчике. Вымахала дылда под метр восемьдесят, тридцатник скоро, дважды замуж сходила, а дите дитем. Что с ней делать?!

— Рассказывай, — приказал Лавров и тут же потрогал бок медного кофейника.

Кофейник был горячим. Он налил себе в кружку. Сыпанул сахарку, помешал.

— В общем, так...

Она положила ладошки на стол, погладила, будто скатерть пыталась расправить. Только там ее отродясь не бывало. Даже в праздники. Аскетичными

они у него всегда выходили, праздники эти чертовы. Не до них все было, работу он свою работал!

— Он появился в нашем банке месяца три назад.

— Сколько-сколько?! — Лавров обхватил голову руками. — Машка! Ну, Машка же!

— Саш, не начинай, — промямлила она, робко глянула на кружку в его руке. — Дай хлебнуть.

Он сунул ей кружку, Машка шумно глотнула раз, другой. Покосилась на него, вернула кружку.

— Я понимаю, что для замужества знакомство в три месяца это ничто, но...

Машка повела плечиками. Это ее движение было хорошо знакомо Лаврову. Чем черт не шутит, так? Или можно и год встречаться, а человека не узнаешь, так? Или еще вариант был: подумаешь, три месяца! Любовь, она нечаянно нагрянет...

Так вот всегда вела Машка плечиками, когда тупила и выскакивала замуж. И за это Лаврову хотелось ее посадить под замок. В какую-нибудь темную-претемную темницу с ворохом шерсти, которую бы она пряла, не переставая, и думала, думала, думала, почему же она такая дура?

— Но, Саша, твои родители в поезде познакомились, когда из Владивостока в Москву ехали! И на вокзале в Москве сразу взяли такси и в загс поехали заявление подавать.

И угораздило же его — придурка — рассказать ей об этой семейной легенде! Он сам-то в нее верил с трудом, все время виделся ему в истории этой какой-то подвох, а Машке понравилось сразу. Еще бы!

— А тут целых три месяца, Саш! — продолжила развивать тему Маша.